

Ямсков А.Н. Варианты решения проблемы землепользования на отгонных пастбищах Северного Кавказа (социально-экологический аспект) [В Главе 1. Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа] // Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики. Ред.: И.Л. Бабич, Ю.В. Вирт, М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2013, с. 23-40.

**Варианты решения проблемы
землепользования на отгонных пастбищах
Северного Кавказа
(социально-экологический аспект)**

А.Н. Ямсков

В наши дни общим местом стала констатация того факта, что к началу 2010-х гг. в республиках Северного Кавказа сложилась действительно очень сложная общественно-политическая и социально-экономическая ситуация. Эксперты и журналисты чаще всего оправданно выделяют две ведущие причины такого положения дел. Во-первых, это очень высокий даже по современным российским меркам уровень коррумпированности и клановости власти, что серьёзно тормозит развитие экономики и практически полностью перекрывает «социальные лифты» для большинства местной молодёжи, вынуждая последних мигрировать в города других регионов Российской Федерации. Во-вторых, это деятельность радикального исламистского подполья, ведущего вооружённую борьбу против властей и связанного с ними традиционного мусульманского духовенства.

Итак, в-третьих, речь идёт о том, что в правовом отношении совершенно не урегулированы вопросы землепользования на территориях сезонных равнинных и высокогорных пастбищ, и это тоже заметно сдерживает экономическое развитие ряда регионов и, с другой стороны, провоцирует социальные конфликты. Стихийно сложившаяся в постсоветские годы практика использования этих «земель отгонного животноводства» ныне совершенно не устраивает как большинство пользователей, так и местных жителей в районах, прилегающих к массивам сезонных

С. 23

пастбищ¹. Местные (районные) и региональные (республиканские или краевые) власти также не удовлетворены сложившимся положением вещей, но, видимо, боясь ещё большего обострения конфликтов по поводу землепользования, затягивают фактическое решение этой проблемы, хотя и постоянно декларируют подобные намерения².

В условиях полиэтничного Северного Кавказа пользователи отгонных пастбищ (горцы на равнине, или жители равнины и предгорий в высокогорной зоне) и местное сельское население прилегающих к ним территорий, как правило, различаются по этнической

---

¹ См., например: Стародубровская И.В. [Выступление на Гайдаровский чтениях, г. Пятигорск, 12–13 апреля 2012 г.] // Сайт Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара: <http://www.iep.ru/ru/konferencii-seminary-kruglye-stoly/gaidarovskie-chteniya-v-pyatigorske.html> – обращение 13.07.2012 г.

² Об одном из последних по времени примеров таких намерений см.: В Дагестане предлагают легализовать стихийные поселки на сельхозземлях // Информационное агентство REGNUM, 16.08.2012 г.: <http://regnum.ru/news/economy/1562129.html> – обращение 17.08.2012 г.

принадлежности. Поэтому земельные по своему исходному содержанию конфликты неизбежно превращаются в этнические. Более того, нелегально оседающие на формально «пастбищных землях» равнин и предгорий пользователи, незаконно основавшие на этих землях постоянные селения, вступают в конкуренцию с сельским населением прилегающих территорий за экономические ресурсы в соответствующих районах, и в первую очередь – за рабочие места, дефицитные в условиях высокой безработицы на Северном Кавказе. Потенциально же, при возможной будущей легализации «незаконных» поселений, их жители смогут включиться и в борьбу за политическую власть на местах, продвигая в неё своих представителей. Все эти уже развернувшиеся или только ожидаемые в близком будущем процессы также приобретают отчетливые черты межэтнических трений или, как минимум, острого соперничества между «местными» и «пришлыми» этническими группами.

Основные современные «болевые точки» Северного Кавказа в данном контексте – равнинные районы Дагестана (Кумыкия и

С. 24

восточная часть Ногайской степи), горная часть Кабардино-Балкарии (собственно Балкария) и восточные районы Ставропольского края (в основном западная часть Ногайской степи). На всех этих территориях обсуждаемая проблема по своей актуальности и разрушительному конфликтогенному потенциалу вполне сопоставима с двумя вышеназванными общепризнанными бедами современного Северного Кавказа, такими как высокая коррумпированность и клановость власти и, с другой стороны, деятельность вооруженного радикально-исламистского подполья.

На время отойдя от обсуждаемой проблемы, я бы назвал и четвертую не менее важную причину современного весьма сложного положения дел в экономике, социальной сфере и внутренней политике в республиках Северного Кавказа – сочетание в начале XXI в. социальных последствий продолжающегося демографического взрыва у большинства северокавказских народов (т.е. роста их численности на 50% – 70% за последние 20 лет) и, следовательно, повышенной доли молодёжи в их составе (что требует постоянного создания новых рабочих мест в местной экономике), и начавшейся в среде этих народов урбанизации (рост доли горожан в их составе на 7% – 10% в 1989-2010 гг.). Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., три наиболее многочисленных северокавказских народа – чеченцы (1431 тыс. чел.), а также живущие в Дагестане аварцы (912 тыс. чел.) и даргинцы (589 тыс. чел.). В 1989-2010 гг. их численность в Российской Федерации возросла соответственно на 59%, 68% и 69%, а доля горожан в составе чеченцев увеличилась с 27% до 36%, аварцев – с 32% до 39%, даргинцев – с 29% до 38%³. Впрочем, эта причина дестабилизации обстановки в основном сказывается в городах Северного Кавказа или же в других регионах Российской Федерации, куда устремляются молодые мигранты, не нашедшие работы с достойным заработком в родных селениях.

С. 25

Однако вернёмся к сложившемуся ныне на «землях отгонного животноводства» положению – оно, например, весьма детально изучено и хорошо описано на примере зимних

---

³ Данные за 1989 г. см.: Народы России: Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994, с. 433, 443; сведения на 2010 г. см.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm – обращение 16.09.2012 г.

равнинных пастбищ Дагестана⁴. Есть исследования и многочисленные заметки в СМИ о том, что происходит с горными летними пастбищами Кабардино-Балкарии⁵.

Меньше информации о ситуации на степных пастбищах в восточной части Ставрополья. Сюда когда-то ногайцы отгоняли на лето свой скот с зимних полупустынных пастбищ восточной части Ногайской степи (северная часть нынешних Дагестана и Чечни), а в советский период стали гонять скот горцы-дагестанцы с зимних пастбищ равнинной части Дагестана. В случае восточной части Ставропольского края показателем остроты проблемы служит, например, высказывание официального лица – заместителя секретаря Совета безопасности Дагестана Ахмеда Магарамова. Он назвал «рейдерским захватом земель с использованием органов прокуратуры, судов и судебных исполнителей»⁶ попытку ставропольских властей пересдать на

С. 26

основе открытых тендеров (и в итоге, как оказалось, за втрое большую плату, чем прежде) в краткосрочную аренду новым пользователям формально арендуемые дагестанскими скотоводами с 1960-х – 1970-х гг. зимние пастбища. Но одновременно это лишило последних прописки в их домах, построенных на официально числящихся «пастбищными» землях и потому имевших официальный статус «хозяйственных» или «подсобных» строений. Дагестанский журналист, не стесняясь в выражениях, называет эти же события «проявлением национал-шовинизма на уровне органов власти и судебной системы края»⁷. В результате активной поддержки органов власти Дагестана, которую те оказали своим землякам-скотоводам, ситуация на Ставрополье после вмешательства полномочного представителя президента Российской Федерации в Северо-Кавказском Федеральном Округе А.Г. Хлопонина была заморожена до выработки взаимоприемлемых решений⁸.

Эта серьезная проблема Северного Кавказа безусловно требует своего неотложного и окончательного решения, и его так или иначе придется в ближайшие годы принять органам власти республик и Ставропольского края. Но прежде следует тщательно взвесить все положительные и отрицательные стороны каждого из нескольких теоретически возможных

---

⁴ Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный Университет, 2010; Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: «Регнум», 2012, с. 9-78.

⁵ Интигринова Т.П. Земли отгонного животноводства: есть ли решение? // Северный Кавказ: модернизационный вызов. Отв. ред. И.В. Стародубровская. – М.: РАНХиГС, 2011, с. 104-105, 115-116, 120; Стародубровская И.В., Миронова Н.И. Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа. – М.: Институт экономики переходного периода, 2010, с. 118-133; Оразаева Л. «Яганов: проблему землепользования в Кабардино-Балкарии сможет решить только внесение изменений в закон» // Интернет-СМИ "Кавказский узел", 29 июля 2010 г.: <http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/172252/> – обращение 13.07.2012 г.; Оразаева Л. Балкарские писатели просят президента РФ отменить закон об отгонных пастбищах в Кабардино-Балкарии // Интернет-СМИ "Кавказский узел", 28 августа 2011 г.: <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/191578/> – обращение 13.07.2012 г.

⁶ «Закон РФ – один для всех». Ахмед Магарамов – «Новому делу» // «Новое Дело» – официальный сайт дагестанского информационного еженедельника «Новое Дело», 19 Мая 2012, Вып. № 19: http://www.ndelo.ru/one_stat.php?id=6900 – обращение 13.07.2012 г.

⁷ Абдурашидов М. Как ставропольские суды засудили дагестанских чабанов // «Новое Дело» – официальный сайт дагестанского информационного еженедельника «Новое Дело», 20 Января 2012, Вып. № 2: http://www.ndelo.ru/one_stat.php?id=6233 – обращение 13.07.2012 г.

⁸ Ольшанский К. Православная церковь запланировала за три года построить 24 новых храма в восточных районах Ставрополья // Интернет-СМИ "Кавказский узел", 25.04.2012 г.: <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/205565/> – обращение 31.05.2012 г.

вариантов решения. Попытки рассмотрения всего спектра вероятных решений и анализа последствий каждого из них уже предпринимались некоторыми экспертами⁹.

С. 27

Ниже изложена и по возможности обоснована предлагаемая мною ещё одна версия решения обсуждаемой проблемы. Отличается эта версия, пожалуй, лишь тем, что точкой отсчёта в её рамках является правовой статус и использование пастбищных земель, а не судьбы пользователей сезонными пастбищами или жителей прилегающих к ним местностей, хотя и о последних, разумеется, речь тоже пойдёт ниже. Кроме того, повышенное внимание при таком подходе уделено социально-экологическим аспектам рассматриваемой проблемы.

Следует подчеркнуть, что в процессе поиска оптимального решения необходимо анализировать не только правовые, этнополитические или социально-экономические аспекты проблемы урегулирования землепользования на «землях отгонного животноводства», но и экологические, о которых, увы, обычно говорят гораздо реже. Более того, все эти социально-экологические аспекты необходимо учитывать при любом из возможных решений, хотя ниже они рассматриваются в рамках лишь того из них, которое представляется автору наименее конфликтным.

Сезонные пастбища на Северном Кавказе, или «земли отгонного животноводства», представляют собой особую категорию земельных угодий. Они фактически появились ещё до прихода на Кавказ Российской Империи как преимущественно собственность местных феодалов (равнинные Кабарда, Кумыкия) или сельских общин (в высокогорье), сдававшаяся пользователям на условиях постоянной непрерываемой аренды с внесением платы (либо дани и т.п.) или же предоставлявшаяся безвозмездно в случае вассальной зависимости. В рамках обычного права (адата на Кавказе) пользователи, при условии внесения ими платы, на протяжении жизни многих поколений не могли быть лишены права использования этих пастбищных участков без открытого конфликта (вооруженных столкновений). Последнее обстоятельство предопределило отношение исторических пользователей сезонными пастбищами и их потомков к таким землям как отчасти к «своим», или точнее говоря, как к не совсем «чужим» для них¹⁰. Например, о сходных явлениях в средневековой

С. 28

Кастилии (Испания) отечественный экономист говорит такими словами: «... у собственников овец было право бессрочного **“владения”** (выделено мною – А.Я.) арендуемыми пастбищами вне собственных сообществ в зимние месяцы»¹¹. Итак, речь в данном случае идёт не о краткосрочной аренде как экономическом механизме в строгом современном смысле слова, а о существенно ином по содержанию социальном институте регулирования землепользования. Поэтому даже процитированная выше эксперт-экономист вынуждена

---

⁹ Перечень и краткую характеристику некоторых возможных решений этой коллизии см.: Казенин К. Элементы Кавказа ..., 2012, с. 47-49; Интигринова Т.П. Земли отгонного животноводства ..., 2011, с. 123-126.

¹⁰ Об этом см. подробнее: Ямсков А.Н. Причины территориальных этнических конфликтов в регионах былого распространения кочевого и пастушеского скотоводства на Кавказе // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Материалы Всероссийской конференции. – Омск, 1993, с. 322-326 (см. сайт «Этническая экология»: <http://www.ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html> – обращение 13.07.2012 г.).

¹¹ Интигринова Т.П. Права собственности на пастбищные угодья: проблемы, дискуссии, опыт. – М.: Институт Гайдара, 2011, с. 79.

использовать применительно к нему для большей ясности термин «владение», пусть и в кавычках, т.е. лишь как метафору.

На основе отгонного (пастушеского) скотоводства на Кавказе, как и во многих других горных регионах Евразии, сложился особый жизненный уклад, а не только специфическая система природопользования и хозяйства. Последняя основана на использовании явления высотной поясности и обусловленных им сезонных вариаций количества и качества пастбищных кормов и их доступности для скота на летних высокогорных (альпийских и субальпийских) и зимних предгорных и равнинных (степных и полупустынных) пастбищах. Таким образом, за долгие столетия возник особый тип культуры горцев. В отечественной этнологии это получило отражение в выделении отдельного самостоятельного «хозяйственно-культурного типа оседлых горных земледельцев и скотоводов умеренного и субтропического поясов с сезонным отходом пастухов»¹², или «горного пастушеского

С. 29

хозяйственно-культурного типа». Вплоть до индустриализации и массовой урбанизации он был повсеместно распространён и отчасти ещё местами сохраняется в горах Евразии, от Пиренеев на западе до Гиндукуша и Западных Гималаев на востоке.

В Российской Империи сезонные летние и зимние пастбища на Кавказе в большинстве своём стали «казёнными» (государственными) землями. Но практика их использования фактически не изменилась и продолжала регулироваться адатом, вот только плату за их использование стало в большинстве случаев получать государство. В СССР все участки сезонных пастбищ тоже стали собственностью государства, и они сдавались в неотчуждаемую бессрочную аренду колхозам и совхозам, возникшим обычно в тех самых селениях, откуда родом были многие поколения пользователей. Интересно отметить, что законами Российской Империи и СССР, равно как и адатом, пользователям сезонных пастбищ одинаково запрещались круглогодичное содержание скота и создание постоянных поселений на этих участках, а также их распашка под зерновые и овощные культуры. Однако на таких пастбищах можно было строить сезонные жилища для пастухов и помещения для скота (кошары и т.п.), заготавливать или выращивать страховочные запасы кормов для домашних животных.

С другой стороны, во времена Российской Империи и СССР огромные площади равнинных и предгорных зимних пастбищ были законодательно преобразованы в земли для размещения вновь создаваемых селений – казачьих станиц (в основном в начале-середине XIX в.) или новых сёл горцев-переселенцев (как в середине-конце XIX в., так и, особенно, в советский период). Ещё со времён окончания Кавказской войны горцы постоянно выселялись на равнину из высокогорных районов с их малопродуктивным, в силу суровых природных условий, сельским хозяйством и острым дефицитом пахотных земель¹³. В равнинном

С. 30

---

¹² См., например: Ямсков А.Н. Традиционное хозяйство горцев Кавказа: этноэкологический подход и концепция хозяйственно-культурных типов // Тезисы докладов и сообщений научной конференции "XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах" (Нальчик, 15-17 апреля 1987 г.). – М., 1987, с. 187-189 (см. сайт «Этническая экология»: <http://www.ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html> – обращение 13.07.2012 г.).

¹³ Об изменении ареала расселения балкарцев в процессе образования предгорно-равнинных сёл в 1870-е – 1880-е гг. см., например: Бабич И.Л., Степанов В.В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860 – 1990-е годы. М.: ИЭА РАН, 2009, с. 85-86.

Дагестане, например, этот процесс выселения с гор на равнину завершился фактически только в 1970-е гг.¹⁴

Возможное решение обозначенной проблемы может быть следующим. Вероятно, наименее болезненным в нынешней ситуации и, одновременно, более всего связанным с советскими и досоветскими традициями выходом является признание «земель отгонного животноводства» особой категорией земельных угодий, находящейся в собственности государства. Таким образом, для той части этих земель, которая поныне реально используется в качестве сезонных пастбищ, изменения будут минимальными и коснутся лишь организации контроля за землепользованием, о чём сказано ниже.

Распоряжаться этими пастбищными землями должны республиканские или краевые органы власти (через региональные организации или их районные филиалы), которые будут сдавать пастбищные участки в бессрочную аренду исторически (в досоветский или советский период) возникшим пользователям под сезонный выпас скота и сопутствующие хозяйственные занятия. Именно региональные и районные организации должны осуществлять постоянный экономический и экологический контроль за использованием сезонных пастбищ. Но главное, должен быть также законодательно прописан детальный механизм периодического (например, каждые 10 лет) пересмотра границ пастбищных земель по их фактическому использованию, с переводом неиспользовавшихся под выпас участков в иные категории земель (земли соседних населённых пунктов, государственного резерва или лесного фонда и т.п.).

Выбор такого решения, однако, будет означать, во-первых, то, что существенная часть нынешних «земель отгонного

С. 31

животноводства» на равнине с уже созданными на них «нелегальными» посёлками должна быть преобразована в земли населённых пунктов и их сельскохозяйственные угодья. Речь идёт об их «легализации», обычно с включением в те самые административные районы, где они находятся. О масштабах проблемы свидетельствуют следующие факты. Например, официально не признанное село Новая Шангода в 20 км от окраин Махачкалы, насчитывает примерно 120 домохозяйств (около 500 человек) и имеет водопровод, газ, школу и две мечети, кладбище. Оно нелегально возникло на месте зимних пастбищ горного села Шангода Гунибского района. В последнем осталось всего около 25 домохозяйств (около 80 человек)¹⁵. Недавно министр сельского хозяйства Дагестана С. Амиров сообщил, что «только в одной Бабаюртовской зоне отгонного животноводства в прикутаных хозяйствах (т.е. на зимних пастбищах – А.Я.) образовано более 110 населённых пунктов, где стационарно проживает более 26 тыс. человек»¹⁶. Однако одновременно необходимо будет провести пересмотр границ землепользования «новых» и «старых» селений, с тем чтобы у соседних исторически «легальных» сёл количество и качество земельных угодий не уступало таковым «новых» (легализованных) селений. Последнее условие крайне важно, так как в границах сезонных равнинных пастбищ в конце XIX – начале XX вв. остались земли, в основном бывшие тогда непригодными для земледелия или проживания на них в летний сезон из-за нехватки или отсутствия воды. Но в наши дни, с учётом созданных каналов, водоводов или артезианских

¹⁴ Подробнее об этом см.: Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011, 448 с.; Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). – Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2000, 335 с.

¹⁵ Интигринова Т.П. Земли отгонного животноводства ..., 2011, с. 113-114.

¹⁶ В Дагестане предлагают легализовать ..., 2012.

скважин, ситуация качественно изменилась, и многие участки этих земель стали теперь вполне пригодными для устройства населённых пунктов и развития орошаемого земледелия (что, собственно говоря, и произошло в местах локализации «нелегальных» селений). Иначе говоря, во многих случаях (но не во всех!) принципиально изменились качество «земель отгонного животноводства» и возможные способы их использования, в т.ч. и не только в виде сезонных зимних пастбищ.

С. 32

Главная и долговременная социально-политическая проблема, вытекающая из такого решения – дальнейшая дестабилизация межэтнических отношений. Первоначально это произойдёт из-за изменения официально признаваемой численности и, главное, этнического состава населения соответствующих районов, т.е. сдвига в них «этнодемографического баланса». Ведь сейчас жители «нелегальных» сёл на отгонных пастбищах равнинного Дагестана, например, числятся в качестве населения горных селений, когда-то использовавших эти пастбищные участки. Однако формальное признание фактического и общеизвестного положения дел не станет действительно серьёзной проблемой, и вероятное обострение межэтнических отношений по этому поводу относительно быстро будет преодолено. Но вот то, что «легализация» позволит жителям таких поселений полноправно включиться в борьбу за власть в районе (а не только за экономические ресурсы, как сейчас), станет долгосрочной и острой этнополитической проблемой. Вероятно, в связи с этим обстоятельством в ряде случаев стоит даже пойти на изменение границ районов или на создание новых административных районов, чтобы минимизировать по возможности такое неблагоприятное развитие событий в сфере межэтнических отношений.

Во-вторых, часть небольших по размерам и неудачно расположенных с точки зрения транспортной инфраструктуры «нелегальных» поселений на «землях отгонного животноводства» на равнинах должна быть преобразована в сезонно используемые хозяйственные базы, как того требует современное и предлагаемое законодательство. Разумеется, и в будущем какая-то небольшая часть жителей останется там на постоянной основе (в качестве сторожей или работников сельского хозяйства, выращивающих или заготавливающих корма), но для каждого такого пастбищного участка должны быть официально определены максимально допустимая (и явно небольшая) численность постоянного населения и поголовье принадлежащего этим людям скота, остающегося с ними на лето.

Для нынешних жителей действенным стимулом для выселения из таких нелегальных поселений на пастбищных землях могут стать только государственные льготы (выделенные земельные участки и, возможно, денежные ссуды) на поселение в

С. 33

пригородах городов или в успешных в экономическом отношении крупных посёлках. Разумеется, не может быть и речи об обязательном «возвращении» в горные «материнские» поселения – ведь невозможно остановить процессы социо-культурной модернизации и урбанизации, которые именно в наши дни охватывают коренное население северокавказских республик, а также идущий уже около двух веков процесс спуска горцев на равнины. Альтернатива легального переселения в город будет весьма привлекательна для большинства жителей отдалённых, экономически не очень благополучных и небольших по размерам «нелегальных» посёлков. Впрочем, кто-то, возможно, предпочтёт вернуться в горное село, и таким людям тоже следует помочь материально – речь ведь идёт о решении действительно

очень сложной и важной для региона проблемы землеустройства и возвращения фактического землепользования в рамки закона.

Рассмотрим пять важнейших социально-экологических аспектов предлагаемого решения и сформулируем основные аргументы в пользу сделанного выбора, а также попробуем более подробно обосновать его с экологической точки зрения.

Первое – прежде всего стоит вновь подчеркнуть необходимость того, чтобы будущее законодательство рассматривало государственные сезонные пастбища как временную категорию земель, границы и площадь которых должны периодически пересматриваться и приводиться в соответствие с реальным землепользованием, то есть раз от раза сокращаться.

Как уже говорилось выше, горное пастушеское скотоводство с использованием отдалённых сезонных пастбищ – не просто тип хозяйства, но особый тип культуры. В этой культурной традиции когда-то труд пастуха (чабана) считался весьма почётным. Почти каждый мужчина в молодости должен был испытать на себе тяготы многосуточных перегонов и летовок либо зимовок за многие десятки или сотни километров от родного села в кругу небольшого количества односельчан, среди чужого народа, охраняя свой скот и скот своих односельчан от волков или попыток угона местными удальцами. Ведь так называемый обычай «баранты» – угона чужого скота – долгое время даже не считался обычным воровством на Кавказе и в Средней Азии и потому общественным мнением стороны, угоняющей чужой

С. 34

скот, особо не осуждался. Но культура меняется, многие традиции уходят в прошлое, и в наши дни, напротив, молодёжь северокавказских народов считает работу чабаном неперспективной и непрестижной. Так что отгонное скотоводство будет постепенно сходить на нет вследствие социо-культурной модернизации, и этот процесс в принципе не остановим.

Постепенному свертыванию масштабов сезонного отгона скота способствуют и чисто экономические причины. Прежде всего, требуемые для него скотопрогонные маршруты, с их пастбищными участками и водопоями, обычно совпадают с автомагистралями, особенно в предгорьях и горах, и потому именно эти территории, привязанные к транспортной инфраструктуре, экономически осваиваются и застраиваются в первую очередь. С каждым годом это делает весенние и осенние перегоны домашних животных всё более сложными. Практиковавшийся в силу прежде всего этих обстоятельств в поздний советский период перевоз овец между сезонными пастбищами автотранспортом ныне не имеет места даже в Дагестане с его сохранившимся овцеводством из-за радикально изменившегося соотношения цен на горючее и, с другой стороны, мясо и шерсть. Правда, в этой республике, из-за трудностей со скотопрогонными путями, ещё сохраняются перевозки овец по железной дороге. Всего в Дагестане насчитывается 910 тысяч голов крупного и более 4,6 млн. голов мелкого рогатого скота, из которых «... на землях отгонного животноводства на зимовку размещено около 2 млн. 300 тыс. голов овец и коз, а также 135 тыс. голов КРС и более 3 тысяч лошадей. Обеспеченность грубыми кормами на землях отгонного животноводства ... составляла всего 63 процента». Весной 2012 г. «... около 1,5 млн. голов овец и коз планируется вывести с зимних пастбищ гоном и 150 тыс. – перевезти железнодорожным транспортом. ... ежегодно из республиканского бюджета финансируются расходы по перевозке скота железнодорожным транспортом и на текущий год предусмотрено 36 млн. рублей»¹⁷.

---

¹⁷ Выступление министра сельского хозяйства РД С. Амирова на 12-й сессии Народного Собрания Республики Дагестан // Сайт Министерства сельского хозяйства Республики Дагестан, 25 апреля 2012 г.: <http://mcxrd.ru/cgi-bin/news.pl?id=1335370020> – обращение 13.07.2012 г.

Второе – крайне важно оставить контроль за использованием и экологическим состоянием сезонных пастбищ в руках региональных (республиканских и краевых) властей, которые будут действовать в том числе и через районные филиалы соответствующих организаций. Только такая организация «внешнего» экологического мониторинга состояния пастбищ может быть действенной в условиях Кавказа. К сожалению, уже раздавались голоса некоторых экспертов в пользу перевода сезонных пастбищ под полную юрисдикцию тех районов, откуда происходят пользователи. Например, в Дагестане это означало бы, что контроль за равнинными зимними пастбищами должен был бы быть передан от равнинных в горные районы. Но с экологической, да и с экономической точки зрения это явная ошибка – в условиях Северного Кавказа с его приматом родственных и клановых связей, в т.ч. и среди представителей органов власти, только внешний контроль, то есть осуществляемый представителями другого района и другого народа, имеет шанс быть хотя бы отчасти объективным.

Третье – следует постоянно учитывать (и предотвращать!) высокую вероятность неблагоприятного развития экологической ситуации на сезонных пастбищах по сценарию «трагедии общинных ресурсов», когда-то столь ярко описанной американским экологом Гэрретом Хардином¹⁸ и с тех пор постоянно горячо обсуждающейся специалистами в области социальных наук и наук об окружающей среде¹⁹.

В реальности сейчас, как и в перспективе, участок сезонного пастбища в пользование получает сообщество жителей определённого села – своего рода ассоциация крестьянских хозяйств,

фермерских хозяйств, кооперативов или агрофирм, представляющих исторически сложившееся сообщество пользователей (селение). Они совместно используют сезонное пастбище под выпас своего скота, объединённого в одно или несколько общих стад, но прибыль от содержания своих животных на пастбище, равно как и возможные убытки, каждый владелец получает и использует самостоятельно. Налицо классическая модель использования природных ресурсов, которая, согласно схеме Г. Хардина, провоцирует каждого из владельцев скота на всемерное повышение собственного поголовья, что почти автоматически приводит к пастбищной дигрессии вследствие перевыпаса (т.е. выпаса такого поголовья скота, которое превышает биопродуктивность данного пастбищного участка и потому ведёт к деградации на нём растительного и почвенного покрова). Поэтому столь важно обеспечить постоянный и эффективный внешний контроль за экологическим состоянием травостоя и почв на пастбищных участках (о чём сказано выше) и, главное, дать право контролирующим органам ставить ограничения на пастбищную нагрузку и, следовательно, устанавливать максимально возможную численность скота, выпасаемого на каждом пастбищном участке.

Четвёртое – одно из важнейших по значимости замечаний заключается в том, что минимально допустимый срок аренды пастбищных земель должен быть достаточно

¹⁸ Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, Vol. 162, № 3859, pp. 1243-1248.

¹⁹ Ямсков А.Н. Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов» // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 3. Редколлегия: Н.А. Дубова (отв. ред.), Н.И. Григулевич, Л.Т. Соловьёва, А.Н. Ямсков. – М.: ИЭА РАН, 2012, с. 231-247 (см. сайт «Этническая экология»: <http://www.ethnoecology.ru/index.php/ru/menu-yamskov.html> – обращение 13.07.2012 г.).

большим. Видимо, в разных регионах и почвенно-климатических условиях он может варьировать, но представляется, что этот срок нигде не должен быть меньше 10 лет. Оптимальным решением, как сказано выше, является бессрочная аренда с пересмотром условий использования пастбища, например, каждые 10 лет, причём последнее делается только для выявления тех участков, которые уже фактически не используются под выпас.

Проблема в том, что именно краткосрочная аренда пастбищ (на 2-3 года или немногим более) в сочетании с отсутствием эффективного контроля за экологическим состоянием возвращаемого арендатором пастбищного участка – мощнейшая причина деградации пастбищных угодий, что наблюдается во многих регионах мира²⁰. К сожалению, похоже, что власти Ставрополя,

С. 37

например, преследуя чисто экономические цели, уже опрометчиво вступили на такой путь, введя пятилетнюю аренду пастбищ скотоводами-дагестанцами или местными сельхозпроизводителями вместо бессрочной, унаследованной ещё с советского и дореволюционного времени²¹.

Суть социально-экологических механизмов, провоцирующих перевыпас и деградацию пастбищ при краткосрочной аренде и отсутствии контроля за их состоянием, раскрывает кратко описываемый ниже и вошедший в учебник эксперимент американских биоэкологов²². В условиях естественных пастбищ в прериях (степях умеренного пояса) Южной Дакоты в течение девяти лет для сезонного летнего откорма бычков использовались два одинаковых участка. На первом из них при умеренном ежегодном выпасе (при условии уничтожения скотом 37% надземной биомассы растений за сезон пастыбы) в конце эксперимента качество травостоя и ёмкость пастбища возросли, вес каждого бычка в конце сезона пастбищного откорма был на 10% выше, чем у животных со второго участка. Но на втором участке общий прирост биомассы всех бычков за 9 лет эксперимента, вследствие их гораздо большего общего количества, оказался выше примерно в 2 раза. Однако вследствие явного перевыпаса (уничтожение скотом в среднем 63% надземной биомассы растений за сезон выпаса) на 9-й год второй участок пастбища полностью деградировал и выпас на нём стал более невозможен, так как бычки из-за бескормицы практически перестали давать привес за сезон выпаса.

Разумеется, эффективный контроль за экологическим состоянием возвращаемого из аренды пастбищного участка и

С. 38

действенные меры по экономическому наказанию того арендатора, который допустил деградацию пастбища вследствие перевыпаса, полностью снимают такую проблему. Однако на российском Северном Кавказе, учитывая местные реалии, сложно создать такую эффективную систему контроля, по крайней мере в ближайшей перспективе, поэтому

---

²⁰ См., например: Ямсков А.Н. Этноэкологические аспекты проблемы опустынивания в регионах традиционного пастбищного скотоводства в рамках курса «Региональная экология» // Инновации в геоэкологии: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 16-17 сентября 2010 г. Ред.: Э.П. Романова (отв. ред.) и др. – М.: Географический ф-т МГУ, 2010, с. 294-295.

²¹ Дагестанские хозяйства оспаривают изъятие у них пастбищ на Ставрополье // Информационное агентство REGNUM, 25 июня 2011 г.: <http://regnum.ru/news/1419001.html> – обращение 13.07.2012 г.

²² Одум Ю. Экология. Том 1. – М.: Мир, 1986, с. 146.

краткосрочную аренду пастбищ необходимо рассматривать как явно нежелательную вследствие её возможных разрушительных экологических последствий.

Пятое и последнее по счёту, но не по значению, замечание, впрочем, достаточно банальное по своей сути и часто повторяемое практически всеми специалистами – необходимо восстановить сезонное, то есть только зимнее, содержание скота на равнинных пастбищах, и одна только эта мера резко улучшит экологическое состояние таких пастбищ. Именно летний выпас в сухостепных и полупустынных ландшафтах равнинного Дагестана, часто сочетающийся по времени с засухами, наносит наибольший ущерб растительности и почвам. По словам министра сельского хозяйства Дагестана С. Амирова, на зимних равнинных пастбищах республики нагрузка в четыре раза превышает допустимую, в т.ч. и «поскольку значительную часть скота там держат круглый год, не угоняя в горы», и в итоге «более 70% этих земель подвержены ветровой эрозии, в результате чего почти на 10% из них активно развиваются процессы опустынивания»²³. Отказ от такой практики сам по себе заметно улучшит состояние этих пастбищ, повысив их биопродуктивность. По крайней мере, в соседней Калмыкии, тоже страдающей от перегрузки пастбищ и опустынивания, уже серьёзно обсуждаются перспективы восстановления межзональных сезонных перегонов скота (между зимними полупустынными и пустынными пастбищами на востоке и юго-востоке республики и летними степными пастбищами в её западной части)²⁴.

С. 39

* * *

В качестве заключения можно вновь констатировать, что проблема урегулирования землепользования на «землях отгонного животноводства» в некоторых республиках Северного Кавказа и в восточных районах Ставропольского края – одна из самых сложных и неотложных в этой части Российской Федерации. Теоретически рассуждая, она имеет несколько различных решений, каждое из которых приводит к своим позитивным и негативным последствиям. Вероятно, главной задачей сейчас является развертывание дискуссии обо всех возможных хотя бы в теории решениях и, главное, о положительных и отрицательных последствиях каждого из них. Это необходимо для того, чтобы власти заранее знали, к чему могут привести те или иные их действия в данной сфере. В таких дискуссиях должны участвовать самые разные специалисты – социологи, юристы, политологи, экономисты, этнологи и экологи с их дисциплинарными приоритетами, ведь эта проблема имеет очевидно междисциплинарный характер.

С. 40

---

²³ В Дагестане предлагают легализовать ..., 2012.

²⁴ Дженгуров Б. В Калмыкии на научной конференции обсуждается развитие кочевого животноводства // Сайт «Кавказский узел», 21 сентября 2010 г.: <http://abkhasia.kavkaz-uzel.ru/articles/174518/> – обращение 13.07.2012 г.